

25. ЦОА УРАФ ФСБ России. – Ф. 2. – Оп. 3. – Пор. 544. – Л. 84 – 89.

26. ЦОА УРАФ ФСБ России. – Ф. 2. – Оп. 8. – Пор. 681. – Л. 157 – 161.

27. ЦОА УРАФ ФСБ России. – Ф. 3. – Оп. 10. – Пор. 394.

28. Шкуро, А. Трагедия казачества / А. Шкуро. – М., 1994. – С. 20.

УДК 94(47).081

А.Н. Егоров

## ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЛИБЕРАЛАХ КАК «АГЕНТАХ ЗАПАДА» В КОНСЕРВАТИВНОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ XIX ВЕКА

*Публикация выполнена в рамках III Международной научной конференции  
«Взаимодействие языков и культур» 24 – 27 апреля 2014 г.*

В статье рассмотрен процесс формирования образа либерала как «агента Запада» в консервативных кругах Российской империи XIX в. на примере мемуаров и публицистических работ князя В.П. Мещерского. Показано, как консерваторы, противопоставляя либерализм и патриотизм, создавали образа либерал как «врага отечества», что исключало возможность компромисса между властью и обществом.

Либерализм, консерватизм, публицистика, образ либерала, патриотизм, чиновничество.

The article considers the process of formation of the image of a liberal as "an agent of the West" in conservative circles of the Russian Empire of the XIX<sup>th</sup> century on the example of the memoirs and nonfiction works by Prince V.P. Meschersky. The author describes how conservatives set liberalism against patriotism, created the image of a liberal as «the enemy of fatherland» that excluded the possibility of compromise between the power and society.

Liberalism, conservatism, political journalism, image of a liberal, patriotism, officialdom.

В начале XIX в. реформы Александра I стимулировали постепенное оформление либерализма как широкого направления общественной жизни. В это время появляется и сам термин «либерализм», который, впрочем, еще не имел широкого распространения до середины XIX в. В русском общественном сознании процесс становления понятия «либерализм» приходится на вторую половину 1810-х гг., когда происходит соединение семантических полей понятия «свобода» («вольность») и «легитимность» («закон») [2, с. 478]. В записках Ф.Ф. Вигеля отмечается, что в 1816 – 1817 гг. слово «либерализм» только начало входить в употребление: «Что значило оно? В настоящем смысле *щедрость*; только оно происходило от другого слова, *liberte*, то есть *свобода*» [1, с. 824].

Однако уже на рубеже 1810 – 1820-х гг. понятие «либерализм» стало ассоциироваться с радикальными политическими движениями, чья деятельность может привести к революции. Н.М. Карамзин писал в 1819 г.: «Люди во всем сходят с ума: либерализм сделался болезнью. Все к лучшему, но не в смысле здешнего света. Мне с некоторого времени кажется, что просвещение Европы угрожается затмением» [6, с. 401].

В 1826 г. А.С. Пушкин, вспоминая события 1810-х – первой половины 1820-х гг., отмечал: «...мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу (подавленную самой своенравной цензурой), превратившуюся в ру-

кописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные» [7, с. 43].

Так стал формироваться образ либерала как радикального политика, революционера. «Я видел, – писал Ф.Ф. Вигель, – как прежний розовый цвет либерализма стал густеть и к осени переходить в кроваво-красный» [1, с. 978]. Представители консервативной общественной мысли под влиянием событий 14 декабря 1825 г. стали понимать либерализм в революционном, радикальном смысле. Так, о восстании декабристов Н.М. Карамзин написал: «Вот нелепая трагедия наших безумных либералистов!» [6, с. 467]. В начале января 1826 г. Николай I в беседе с французским послом характеризовал выступление декабристов как «безумие наших русских либералов» [Цит. по 2, с. 485].

Консерваторы полагали, что либеральные ценности навязывались России, прежде всего, дворянству, из-за рубежа. Эти ценности с самого начала содержали антиправославный заряд, прикрытый словами о «свободах». Характерны рассуждения Ю.Ф. Самарина на этот счет: «С самого начала своей революции Франция сдала России целую толпу эмигрантов, которых мы, по своей привычке, приняли с распростертыми объятиями; иным из них удалось дослужиться до высоких чинов и видных должностей, другие приютились в семьях высшего дворянства в качестве нахлебников, третьи – в качестве гувернеров и учителей... Таким образом, почва была подго-

товлена для иезуитского сева. В те времена план воспитания для русского дворянина составлял по просьбе родителей какой-нибудь аббат Николь; ему же поручалось и приискание наставника; этот наставник учил всему, разумеется, по-своему, в крайности, даже и русскому языку. Какое место в таком воспитании отводилось русской истории и православной церкви, нетрудно себе представить» [8, с. 160].

В такой системе представлений носителями либеральных ценностей должны быть не представители российского дворянства, а французские эмигранты, поляки и т.п. Эта среда, по мнению Самарина, «проникалась еще охотнее либеральными стремлениями, совершенно искренними, но бесплодными по своей отвлеченности, и с особенною любовью лелеяла туманные мечты о каком-то будущем духовном единении племен и правительств, в безразличном равнодушии ко всем формулам веры. Всякое, со стороны занесенное, учение, политическое или религиозное, всякая фантазия, всякий призрак могли, до известной степени, рассчитывать на успех и внушать сочувствие» [8, с. 161].

В рассуждениях Ю.Ф. Самарина намечена тема, ставшая одной из основных в консервативной критике российского либерализма – тема заговора против России неких «темных сил», использующих либеральные ценности для подрыва основ православия, самодержавия, народности. Во времена Самарина на роль «темных сил» были назначены иезуиты, латинское духовенство, в начале XX в. – евреи и масоны, в наши дни – Госдепартамент США, американские и европейские правительственные и финансовые организации. Самарин полагал, что роль «латинства» в Европе «была незавидна». Оно пробовало обновиться и приспособиться к современности, вмешивалось в политические вопросы и, в итоге, «вздумало полиберальничать». «Мы, дескать, всегда обожали свободу и так только, по каким-то странным недоразумениям, прослыли заклятыми врагами всевозможных ее проявлений... Заискивание латинского духовенства или, говоря современным русским языком, его *авансы* (здесь и далее курсив автора – А.Е.) всеми принимались сухо и холодно. Что делать? Видно от *своих* ждать было нечего, и потому естественно, что подвернулась мысль... поискать на стороне людей новых. И взялись за русских. Пошупали одного, другого... ничего! Русский в езде оказался хорош. (Большую частью, за границу, все такие попадались)... Уставов и преданий своей церкви не соблюдает, живет в ней, как чужой, и потому не любит, да и не может любить ее. С народною средою, из которой вышел, ничем не связан, кроме наследованного от дедов русского имени... Заняться им, польстить ему – он растает и сделается рыхл, как тесто, и мягок, как воск. Словом, человек знакомый! Нетрудно было чем угодно наполнить эти пустые сосуды. Передался один, другой, третий... Эти неожиданно легкие успехи возбудили надежды: недаром говорят, что утопающий хватается за соломинку. Латинское

духовенство стало внимательнее вглядываться в Россию и придумывать план кампании» [8, с. 360 – 361].

После таких слов понятно, каким должен был быть образ либерала в консервативных кругах. Российский либерал оказывался «агентом Запада», инструментом неких «темных сил», оторвавшимся от народной почвы в силу дурного воспитания и увлеченности абстрактными западными идеями.

Консерваторы в Николаевское время понимали либерализм в революционном, радикальном смысле. Профессор А.В. Никитенко отмечал в своем дневнике, что в те годы понятия «либерал» и «якобинец» стали для консерваторов синонимами. В либерализме видели вредные западные влияния. «Каждая новая идея, – приводил Никитенко слова литератора М.Е. Лобанова, – заблуждение; французы подлецы; немецкая философия глупость, а все вместе либерализм» [5, с. 367]. По воспоминаниям Б.Н. Чичерина в 1840-е гг. любое отступление от требований правительства или норм Православной церкви воспринималось как намек на «либеральный образ мыслей», с которым шла «немилосердная» борьба [9, с. 157].

В эпоху Великих реформ Александра II существенную роль в общественно-политической жизни страны стали играть либеральные идеи, что не могло не вызвать ответной реакции консервативных кругов, увидевших в либерализме угрозу самим основам существования России. Одним из видных общественных деятелей, выступившим против либерализма, был князь В.П. Мещерский, сыгравший существенную роль в конструировании негативного образа либерала.

Когда в начале правления Александра II началось оживление либеральных идей, В.П. Мещерский увидел в них «новый дух, либеральный и современный, заключающийся в отрешении от николаевщины, в порицании его военщины, в критиковании его дисциплины» [4, с. 48]. Он связывал рост либеральных настроений не с объективными потребностями прогрессивного развития страны, а со случайными явлениями, прежде всего, с влиянием А.И. Герцена, который, по словам князя, «являлся самым циничным выразителем того характера случайности, который должны были принять задачи так называемого перерождения. Герцен основал эпоху обличения. Это обличение стало болезнью времени, и оно-то испортило нравственно и духовно ту среду, из которой должна была исходить серьезная и строго проверенная реформаторская деятельность» [4, с. 97].

Не сумев адекватно оценить причины распространения либеральных идей, В.П. Мещерский считал, что вся проблема заключалась в падении дисциплины во всех сферах жизни общества: «Мы жили тогда (в начале 1860-х гг. – А.Е.) в какой-то мягкой атмосфере уступчивости и слабости относительно всего, что было принципом порядка и дисциплины. Эта-то мягкость, эта-то терпимость всего, что проявляло дух послабления дисциплины, составляли один из главных признаков политического либерализма» [4, с. 153]. Связывая падение дисциплины с деятельностью реформаторских кругов, князь видел

либерала в любом администраторе, выступавшем за обновление страны. Чиновник, – писал он, – «прежде всего, либерален», но «либерализм его вредного свойства тем, что он одинаково пренебрегает интересами той власти, которой он служит и от которой получает жалование, и интересами народа, для удовлетворения которых он служит... пренебрежение к интересам власти в нем проявляется как культ либерализма, а пренебрежение к интересам народа – как культ бездушного эгоизма» [4, с. 548].

В.П. Мещерский даже мысли не допускал о благотворном характере тех или иных либеральных преобразований. Поэтому в каждом действии либералов он видел коварный умысел, направленный против России. Так, инициаторы отмены крепостного права, стремясь «как можно глубже поразить дворянство», заботились не об интересах «порядка и правительства», а о том, «достаточно ли отняли у дворян земли, достаточно ли пошатнуто дворянство земельное в своих устоях и в своих основах, достаточно ли создано для него критическое и трудное положение?» [4, с. 105]. Приписывая идеи дворянофобии либеральным чиновникам, Мещерский представлял их главными врагами дворянства как сословия. Далее ставился знак равенства между понятиями «поместное дворянство», «самодержавие», «Россия», а либералы превращались во врагов русского народа, подрывающих патриотические ценности. В своих работах Мещерский использовал выражения «либеральный космополитизм», «партия космополитов», «антирусская политическая партия», «партия петербургских либералов, т.е. чиновников и космополитов» и т.п. Олицетворением этой партии для него служили в 1860 – 1870-х гг. П.А. Валуев и П.А. Шувалов. По убеждению Мещерского, именно благодаря проискам и козням этих двух сановников попирались русские интересы на окраинах, а внутри России реформы всячески искажались и вместо усиления национально-русского начала приводили к распространению чуждого, западнического духа.

Когда с 1861 г. вместо винных откупов стала вводиться акцизная система продажи спиртного, В.П. Мещерский увидел в этом коварный замысел либералов – «соблазнить мужика дешевою водкою и затем его сподать – сподать в смысле разорения материального, сподать в смысле нравственного растления». Основанием для подобных утверждений была всего лишь шутовская фраза акцизного чиновника Огрицко о том, что в ходе проведения реформы он едет к донским казакам «учить их, как спаиваться». Зацепившись за эту фразу, князь стал рассуждать: «как мог быть Огрицко вице-директором департамента в министерстве финансов и как никого не беспокоил ни этот курьез, ни осуществление замысла соединить освобождение крестьян с питейною реформою... Точно какая-то таинственная сила спешила, не теряя ни одной минуты, создать для народа роковое искушение, а для правительства угрожающее положение» [4, с. 152]. Идеи Мещерского о «тайных врагах порядка и правительства» трансформируются в начале XX в. в широко распространенную в консервативных

кругах теорию «жидомасонского заговора».

Воспитанный на идеалах эпохи Николая I, идеалах дисциплины, порядка, культа власти, В.П. Мещерский полагал, что для спасения России нужно только одно – «твердая строгость со всеми и во всем» [4, с. 549]. В малейших симпатиях к свободе человеческой личности он видел зародыши ненавистного ему либерализма. Характерно его отношение к писателю А.К. Толстому, не примыкавшему к либеральному лагерю. Мещерский подчеркивал «полную невозможность» примирить свои убеждения с мировоззрением Толстого, поскольку для последнего «главную духовную стихию была свобода... и в этом культе свободы он, когда переходил на почву практическую, самым искренним и теплым образом предпочитал многое на Западе Европы многому русскому только потому, что там находил больше уважения к свободе, чем у нас» [4, с. 204]. Поэтому Толстой «при всей своей оригинальности скорее клонится к либералам, чем в нашу сторону», «его дух русского богатыря не роднится со всеми русскими преданиями и нравами государственной жизни, а льнет куда-то за море, в чужие страны, к чужим народам Запада». Отсюда, делал вывод Мещерский, вытекает главный недостаток Толстого – «затаенное недружелюбие к русскому существу» [4, с. 376 – 377].

Неприятие либерализма сквозило в самой стилистике текстов В.П. Мещерского, что проявлялось во фразах о надвигающейся с Запада «тучи космополитизма и либерализма», о западных идеях «разъедающих чувство любви к родному краю» [4, с. 732]. Отсюда возникало противопоставление либерализма и патриотизма, что вело к конструированию образа либерал как «агента Запада», «врага отечества», борьба с которым представлялась священным долгом каждого гражданина.

В представлении В.П. Мещерского и других консерваторов «либерализм» (и «космополитизм» как его синоним) – это не партийно-политическая идеология, не общественное течение, связанное определенными ценностями, а некий комплекс разнообразных явлений, противостоящих таким понятиям как «патриотизм», «нравственность», «классицизм», «идеализм», «религия» [3, с. 153]. Такое широкое толкование либерализма позволяло, с одной стороны, подвести под это понятие любого неугодного человека (от министра до нигилиста), чьи взгляды не вписывались в триаду «православие, самодержавие, народность», а с другой стороны, объяснить все негативные явления русской жизни влиянием «вредных западных идей» и происками «врагов отечества».

Сконструированный В.П. Мещерским и другими консервативными деятелями миф о либералах как «агентах Запада», «врагах отечества» служил для защиты существующего строя, обоснования благоговения курсов Николая I и Александра III, доказательства ненужности реформ. Каналами распространения образа либерала служили печатные органы, прежде всего «Гражданин», салон Мещерского, его письма Александру III и Николаю II. Подобная позиция обосновывала консервативный вектор внут-

ренной политики, исключавший разумный диалог между властью и обществом и закончившийся революционными потрясениями начала XX в.

### Источники и литература

1. Вигель, Ф.Ф. Записки: в 2 кн. / Ф.Ф. Вигель. – М., 2000. – Кн. 2.
2. Калашников, М.В. Понятие либерализм в русском общественном сознании XIX века / М.В. Калашников // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. – Т. 1. – М., 2012. – С. 464 – 513.
3. Мещерский, В.П. Гражданин консерватор / В.П. Мещерский. – М., 2005.
4. Мещерский, В.П. Мои воспоминания / В.П. Мещерский. – М., 2003.
5. Никитенко, А.В. Записки и дневник: в 3 т. / А.В. Никитенко. – СПб., 1893. – Т. 1.
6. Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии. – М., 1866. – Ч. 2.
7. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. / А.С. Пушкин. – М.; Л., 1949. – Т. 11.
8. Самарин, Ю.Ф. Православие и народность / Ю.Ф. Самарин. – М., 2008.
9. Чичерин, Б.Н. Воспоминания: в 2 т. / Б.Н. Чичерин. – М., 2010. – Т. 1.

УДК 81'272: 811.511.12

К.С. Казакова

## СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССОВ ЯЗЫКОВОЙ И КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ СААМСКОМ СООБЩЕСТВЕ

*Работа выполнена при поддержке Правительства Мурманской области и РГНФ  
по результатам совместного регионального конкурса «Русский Север: история, современность,  
перспективы», проект № 13-12-51010 «Коренные народы и устойчивое развитие  
местных сообществ Севера и Арктики РФ»*

Статья посвящена описанию языковой ситуации в саамском сообществе, проживающем на территории Кольского полуострова, а также стратегий языковой политики данной этнической группы. В статье проанализирован процесс языкового сдвига в исторической ретроспективе, прослежено влияние образовательной политики государства на языковые процессы в указанной этнической группе.

Коренное население, саамы, языковая ситуация, образование, школы-интернаты.

The article is devoted to description of linguistic situation in Sami society living in the Kola Peninsula as well as the strategies of language politics of the given ethnic group. The process of language development is analyzed in retrospective review. The paper considers the influence of educational politics of the state on linguistic processes in the given ethnic group.

Indigenous, Sami, linguistic situation, education, boarding schools.

Саамы – один из коренных малочисленных народов Российской Федерации. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. численность саамов в России составляла 1771 человек (городское население – 787, сельское – 984) [9]. Основным местом жительства саамов в России и Мурманском регионе является Ловозерский район Мурманской области. Саамы по возрасту – одна из самых молодых национальностей, проживающих на территории Мурманской области: их средний возраст – 33 г., тогда как у всего остального населения региона – 37,6 г. При этом дети в возрасте до 15 лет составили 26 % всех саамов, лица в трудоспособном возрасте – 60 %, старше трудоспособного возраста – 14 %. Более 82 % коренного малочисленного народа Кольского полуострова считали родным языком русский. Саамский язык в качестве родного называли около 17 % лиц этой этнической группы, активных же носителей языка (т.е. тех, которые регулярно используют язык

в повседневной жизни) – еще меньше, около ста человек [8]. Таким образом, общая численность саамского населения России существенно больше числа носителей языка, поскольку в настоящее время многие саамы говорят только на русском. В данной ситуации вопрос сохранения саамского языка и процессов языковой коммуникации в саамском сообществе – один из актуальных на сегодняшний день.

Саамский язык – единственный миноритарный язык в регионе, что накладывает специфический отпечаток на региональную этническую и языковую политику. Вместе с тем, российские саамы – это часть этнической и языковой общности, присутствующей во всех скандинавских странах (Финляндии, Швеции, Норвегии), что дает основание сравнивать особенности языковой политики этих государств и определять характер ее взаимоотношений с саамскими меньшинствами.